

М.М. Дунаев

[Княжна Марья Болконская]

Настала пора вновь вспомнить истину, восходящую к Тертуллиану: душа по природе христианка. Ведь тогда духовная тяга души также есть проявление *натуральности* человеческого бытия.

Толстой и показывает эту естественную настроенность души, весьма последовательно, в характере и судьбе княжны Марьи Болконской, графини Марьи Ростовой.

Внутренние движения в натуре Наташи, по преимуществу душевного свойства, встречаются с духовным постоянством княжны Марьи — и происходит взаимное дополнение и обогащение двух прежде самостоятельно существовавших в них начал бытия:

«Княжна Марья рассказывала про своё детство, про свою мать, про своего отца, про свои мечтания; и Наташа, прежде со спокойным непониманием отворачивавшаяся от этой жизни преданности, покорности, от поэзии христианского самоотвержения, теперь, чувствуя себя связанной любовью с княжной Марьей, полюбила и прошедшее княжны Марьи и поняла непонятную ей прежде сторону жизни. Она не думала прилагать к своей жизни покорность и самоотвержение, потому что она привыкла искать других радостей, но она поняла и полюбила в другой эту прежде непонятную ей добродетель. Для княжны Марьи, слушавшей рассказы о детстве и первой молодости Наташи, тоже открывалась прежде непонятная сторона жизни, вера в жизнь, в наслаждения жизни».

Эта встреча — замковый камень (если использовать толстовский образ, относящийся к роману «Анна Каренина», — к эпизоду встречи Анны и Левина) единого воздвигаемого свода всего здания эпопеи.

Княжна (графиня) Марья ещё более неподвижна по отношению к потоку жизни и не менее натуральна (по христианской природе своей), нежели Наташа. Христианская натуральность её подчёркивается символически поразительной особенностью облика княжны: лучистыми глазами, как бы источающими свет её миропонимания: «...глаза княжны, большие, глубокие и лучистые (как будто лучи тёплого света иногда снопами выходили из них), были так хороши, что очень часто, несмотря на некрасивость всего лица, глаза эти делались привлекательнее красоты». Духовная красота здесь ощутимо вознесена над физической.

О княжне можно сказать: она не умна, но мудра в осмыслении жизни. Как далеко, например, умному и ищущему Пьеру до того вывода, который естественным образом усвоен совсем ещё юною княжной:

«Я никогда не могла понять страсть, которую имеют некоторые особы: путать себе мысли, пристращаясь к мистическим книгам, которые возбуждают только сомнения в их умах, раздражают их воображение и дают им характер преувеличения, совершенно противный простоте христианской. Будем читать лучше апостолов и Евангелие. Не будем пытаться проникать то, что в этих книгах есть таинственного, ибо как можем мы, жалкие грешники, познать страшные и священные тайны провидения до тех пор, пока носим на себе ту плотскую оболочку, которая воздвигает между нами и вечным непроницаемую завесу? Ограничимся лучше изучением великих правил, которые наш Божественный Спаситель оставил нам для нашего руководства здесь, на земле; будем стараться следовать им и постараемся убедиться в том, что чем менее мы будем давать разгула нашему уму, тем мы будем приятнее Богу, Который отвергает всякое знание, исходящее не от него, и что чем меньше мы углубляемся в то, что Ему угодно было скрыть от нас, тем скорее даст Он нам это открытие Своим Божественным разумом».

Её наставление брату, князю Андрею, отличается мудростью же, которая может быть вполне представляемою в устах опытного старца:

«Андрей, если бы ты имел веру, то обратился бы к Богу с молитвою, чтоб он даровал тебе любовь, которую ты не чувствуешь, и молитва твоя была бы услышана».

Мудрость эта идёт как бы и не от неё вовсе: это слишком хорошо известно в Церкви и лишь воспринимается и усваивается натурою каждого верующего.

Поразительно отношение княжны к отцу, в известный период постоянно ранящему её своим отношением:

«Он беспрестанно больно оскорблял княжну Марью, но дочь даже не делала усилий над собой, чтобы прощать его. Разве мог он быть виноват перед нею, и разве мог отец её, который (она всё-таки знала это) любил её, быть к ней несправедливым? Да и что такое справедливость? Княжна никогда не думала об этом гордом слове: справедливость. Все сложные законы человечества сосредоточивались для неё в одном простом и ясном законе — в законе любви и самоотвержения, преподанном нам Тем, Который с любовью страдал за человечество, когда Сам Он — Бог. Что ей было за дело до справедливости или несправедливости других людей? Ей надо было самой страдать и любить, и это она делала».

Христианская основа всех переживаний княжны — несомненна, слишком очевидна.

Поразительно и её самоощущение собственной греховности: «...потихоньку плакала и чувствовала, что она грешница: любила отца и племянника больше, чем Бога». Она ясно восприняла слова из Евангелия: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10,37).

Но важно, что вывод свой о большей любви к близким она сделала, когда ради отца и племянника оставила мысль о богомольном странничестве. Здесь не корыстная любовь к ним, но невозможность причинить им несчастье своим уходом от них. Не в такой ли любви выражается и любовь к Богу?

В людях она видит орудие Промысла, и оттого заповедь о прощении врагов усвоена натурою княжны в полноте:

«Горе послано Им, а не людьми. Люди — Его орудия, они не виноваты. Ежели тебе кажется, что кто-нибудь виноват перед тобой, забудь это и прости. Мы не имеем права наказывать. И ты поймёшь счастье прощать», —

увещевает она брата.

«И послали они сказать Иосифу: отец твой перед смертью своею завещал, говоря: так скажите Иосифу: “прости братьям твоим вину и грех их; так как они сделали тебе зло” И ныне прости вины рабов Бога отца твоего» (Быт. 50,16–17).

«Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: “до семи”, но до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18,21–22).

«Но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас» (Еф. 4,32).

Недаром же умеющий распознавать человеческую натуру Николай Ростов (хоть и значительно несовершеннее, нежели Наташа) не может обмануться, встретивши княжну в один из решительных моментов своей жизни:

«В первый раз вся та чистая духовная внутренняя работа, которою она жила до сих пор, выступила наружу. Вся её внутренняя, недовольная собой работа, её страдания, стремление к добру, покорность, любовь, самопожертвование — всё это светилось теперь в этих лучистых глазах, в тонкой улыбке, в каждой черте её нежного лица.

Ростов увидал всё это так же ясно, как будто он знал всю её жизнь. Он чувствовал, что существо, бывшее перед ним, было совсем другое, лучшее, чем все те, которые он встречал до сих пор, и лучшее, главное, чем он сам».

Княжна Марья олицетворяет ту натуральность христианского закона, которою можно поверять деяния всех персонажей эпопеи. Было ли такое изображение этого характера

сознательной целью автора? Наверяд. Более того: если Наташа несомненно воздействует на судьбы с нею соприкасающихся в жизни, то княжна Марья никакого влияния на ближних не оказывает. Она как бы пребывает вне всякой роевой жизни; она и вне народной жизни: мужики в известной сцене в Богучарове, когда она тщетно пытается покинуть усадьбу, ощущают её как чуждую себе (тоже знаковое событие), равно как и она не способна понять их, убедить в своей правоте.

Жизнь княжны обособлена, и по отношению к ней, кажется, не имеет смысла вопрос об уровне её бытия: она существует помимо всяких уровней. Не слишком ли дерзко будет предположить, что в том бессознательно сказалось противоречивое отношение автора к христианству?

И вот ещё что: даже любовь графини Марьи, этой выразительницы христианской духовности, отчасти ущербна: ущерблена неспособностью её одолеть своей враждебности к Соне. Вероятно, Толстой добивался тем полноты психологической естественности характера — но нарушил полноту любви. Любви не натуральной, а христианской.